

тому, что, исходя из понимания средневекового автора, нужно обладать «разумом добрым», чтобы рассказать слушателям-читателям о всех добродетелях святого, недоступных естеству человеческому. Поэтому надо избегать законченных определений тех, которые в своей святости вознеслись до высшего Ерусалима, до высоты «вечного дела божьего». Сознывая же, что не в состоянии сообщить и объяснить «толикие труды и страсти», автор удовлетворится и тем, что поведаст нам «мало нечто», но это «мало» он расскажет «пространно».

«Пространность слова» проявляется в первую очередь в обильном употреблении синонимов. «Здесь синонимы обычно ставятся рядом, они не слиты и не разделены. Автор как бы колеблется выбрать одно, окончательное слово для определения того или иного явления и ставит рядом два или несколько синонимов, равноценных друг другу. В результате внимание читателя привлекают не оттенки и различия в значениях, а то самое общее, что есть между ними. Простое соседство синонимов устанавливает взаимоограничения между синонимами, стирает в них взаимоисключающие оттенки, значения, позволяет выделить в них основное».²⁷ Данное определение Д. С. Лихачева можно приложить к следующим примерам из сербских авторов: «... а ты, господи мои, съ печалию въспита ме и наказа ме и научи ме» (ЖСиС, 63), или: «... и обрѣтохъ въ нѣмь радость неизреченую и веселие неизглаголаное» (ЖиС, 47). А что и говорить о таком примере из того же Жития Симеона, когда Савва вопиет к богу: «Днь и ношь покаяннемъ теплымъ зовы: о невидиме, о неописане, о неосезаемы, о неодржимы, о непостижиме, о неизречене, о прѣблагыи, о многомилосрьде, о неозлобиве, о многомилостиве чловѣколюбьче господи, коль много множество благости твоее» (ЖСиС, 84).

Вместо нанизывания простых синонимов той же цели служит и ряд синонимических сравнений, вроде следующих: «О риза желаемого желающтиимъ запаление! како понесемъте, како копия образъ или мѣча обоудоу остра въдами те родителема и братии!» (ЖС, 19); или: «... старьць радываше се, сына виде яко нѣкогого борца или искоусна воеводу за нь подвизавашта се» (ЖС, 45). В обоих приведенных примерах стираются видовые значения синонимов за счет общего, абстрактного значения рода, которое воспринимает читатель-слушатель: это колющее оружие либо опытный воин. Повторение синонимических сравнений не только абстрагирует явление, но одновременно и усиливает его значение, способствует экспрессивности и эмфатичности повествования.

Древним сербским авторам присуще также стремление «создавать либо целую цепь близких понятий и образов, либо парные понятия и образы, причем одно из понятий может быть видовым и конкретным, а другое (или другие) — родовым и более абстрактным, либо все понятия могут являться видовыми по отношению к объединяющему их родовому, которое только подразумевается, но в тексте отсутствует».²⁸ Примером может послужить приводившаяся уже цитата из Жития короля Милутина: «. оужасаю се и трепештоу отькоудоу начьноу», либо «краль Оурошь многыми молении и глаголы сладкыми едьва оумоли его...» (ЖКиАС), 358). Д. С. Лихачев для такой синонимической связи приводит пример из Жития Сергия Радонежского: «Птица обрѣте себѣ храминуу и грѣлица гнѣздо себѣ», который, кстати, встречается в аренге одной из дарственных грамот короля Милутина Хиландару. Грамота эта датирована 6810 г.

²⁷ Некоторые задачи, стр. 32.

²⁸ Там же, стр. 33.